

РЕПРЕССИИ В ОТНОШЕНИИ КУЛАЧЕСТВА В 1930-Е ГГ.

REPRESSION OF THE KULAKS IN THE 1930S

УДК 9.908

Гаврилов К.Г., кандидат юридических наук,
доцент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»,
Пенза, Россия, kirillgeorgievich@yandex.ru

Федосеева Л.Ю., кандидат исторических наук,
доцент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»,
Пенза, Россия, fedoseeva-penza@yandex.ru

Гаврилова Т.В., кандидат исторических наук,
доцент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»,
Пенза, Россия, gatatiana@yandex.ru

Kirill G. G., associate Professor, Penza state University,
Penza, Russia, kirillgeorgievich@yandex.ru

Lyudmila Y. F., associate Professor, Penza state University,
Penza, Russia, fedoseeva-penza@yandex.ru

Tatyana V. G., associate Professor, Penza state University,
Penza, Russia, gatatiana@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена трагическим событиям в истории российского крестьянства, связанным с реализацией политики коллективизации сельского хозяйства страны. Проблема рассматривается на общероссийском и Средне-Волжском региональном материалах, что позволило на фоне общих

тенденций выявить специфику борьбы с «классовым врагом» в одном из самых «крестьянских» регионов страны. Авторы показывают организационную и социально-экономическую неподготовленность выселения раскулаченных семей, которая привела к неоправданно тяжелым условиям их труда и быта.

Annotation

The article is devoted to tragic events in the history of the Russian peasantry related to the implementation of the policy of collectivization of the country's agriculture. The problem is considered on the all-Russian and Middle Volga regional materials, which allowed us to identify the specifics of the struggle against the «class enemy» in one of the most «peasant» regions of the country against the background of General trends. The authors show the organizational and socio-economic unpreparedness of eviction of dispossessed families, which led to unjustifiably difficult conditions of their work and life.

Ключевые слова: *коллективизация, кулаки, политика выселения, ликвидация кулачества как класса, репрессии*

Keywords: *collectivization, kulaks, eviction policy, elimination of kulaks as a class, repression*

Политика хозяйственного ущемления кулаков проводилась советским правительством с 1920-х годов и была направлена на экономическое притеснение и «разоружение» кулачества. Однако в конце 1929 – начале 1930 годов руководство страны взяло курс на развитие колхозного строительства. В связи с этим планировалось коллективизировать к 1933 г. подавляющую часть бедняцко-середняцких хозяйств в главных зерновых районах страны, а кулацкие хозяйства ликвидировать. На

конференциях и съездах началась подготовительная агитационная работа, объясняющая необходимость сплошной коллективизации, и угрозу, существовавшую со стороны «капиталистических элементов деревни».

По мнению И. В. Сталина и его партийных соратников, кулаки и бедняцко-середняцкая масса деревни, которая вербовалась в колхозы, находились в антагонистическом противоречии и просто не могли сосуществовать на одной земле. Войственная риторика партийного руководства внушала сельским обывателям и пролетариату образ классового врага, который «добровольно ликвидироваться не хочет» и «дико сопротивляется».

Формы сопротивления были как активными, так и пассивными. В информационном бюллетене прокуратуры Западной области (декабрь 1929 г.) говорилось, что «число террористических актов кулачества пропорционально возрастало в месяцы усиленного нажима на капиталистические элементы. Так, наибольшее количество террористических актов произошло в октябре, месяце наивысшего выкачивания кулацкого хлеба... Главными объектами нападения кулачества стали работники низового соваппарата (63%) и общественники (37%), причём первое место среди общественников занимают колхозники (50%)...». Причину такой ненависти к «общественникам» следует искать в методах их работы с кулаками во время экспроприации «излишков» хлеба. Далее автор бюллетеня отмечает, что «характерен переход от физического уничтожения к уничтожению имущества целых хозяйств – поджоги (43,3% всех терактов)...» [3, с. 297]. Из сообщения следует, что меры репрессий в отношении кулаков – это вынужденные меры гражданской самозащиты.

Наиболее распространённой формой пассивного сопротивления было самораскулачивание хозяйств, боявшихся репрессий. В информационной сводке Колхозцентра СССР от 11 января 1930 г. сообщалось: «Вслед за сокращением посевной площади кулак, стремясь избежать налогов, маскируясь под середняка, спешит избавиться от скота. Кулак развивает бешеную агитацию за сброску скота, особенно в районах сплошной коллективизации». Из-за страха быть раскулаченными крестьяне резали или продавали за бесценок весь скот, который всё равно было нечем кормить. В той же сводке говорится, что на «Средней Волге недород прошлого года, тяжело отразился на животноводстве края, идёт сильный убой скота, особенно молодняка. По данным Животноводсоюза, в крае в текущем году убито 820 тысяч голов молодняка. Свиной по сравнению с 1913 г. осталось 56 %, лошадей – 72%» [3, с. 304].

30 января 1930 г. Политбюро утвердило подготовленный специальной комиссией под председательством В.М. Молотова текст постановления ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации». В этих районах кулаки, которые оказывали активное сопротивление установлению новых порядков ведения сельского хозяйства на социалистических началах, выселялись по постановлениям сельских сходов и местных съездов Советов. Сельскохозяйственный инвентарь и имущество кулаков направлялись в неделимые фонды колхозов в качестве взносов за бедняков и батраков. Конфискованные жильё и постройки передавались на общественные нужды сельсоветов и колхозов [1, с. 39].

Директива Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», вышедшая в

начале 1930 г., разделила кулацкие хозяйства на три категории и определила общую численность хозяйств, которые должны были подвергнуться раскулачиванию. Общая численность устанавливалась в 3–5% крестьянских хозяйств: для первой категории – 60 тысяч, для второй – 150 тысяч хозяйств. В районах, развитых в аграрном отношении, предписывалось провести раскулачивание «незамедлительно», а в остальных – по мере развёртывания коллективизации. Точных данных по третьей категории нет, но если численность первой и второй категорий составляла около 63 % от общего числа лиц, подлежащих раскулачиванию то, следовательно, третья категория насчитывала примерно 37 – 40 % [10, с. 8].

Первую категорию составлял «контрреволюционный актив», организаторы террористической и антисоветской деятельности. Их, как правило, приговаривали к высшей мере наказания или отправляли в концлагеря. Их семьи выселялись в отдалённые и малонаселённые районы Советского Союза с тяжёлыми природными условиями.

Вторую категорию составляли крупные кулаки и бывшие «полупомещики», которые выселялись за пределы краёв прежнего проживания. Из доклада начальника опергруппы Пузицкого следует, что по состоянию на 4 мая 1930 г. в Средне-Волжском крае было намечено выселить 6 тысяч кулацких семей второй категории, что составляло около 30 тысяч человек, фактически в Дальневосточный край было переселено 5566 семей (29211 человек).

Третья категория раскулаченных подлежала выселению в пределах краёв прежнего проживания, в другие сёла и деревни. Эта категория кулаков была самой многочисленной, так как по многим критериям они мало

отличались от середняков, которые часто требовали возвращения отобранного у них имущества и восстановления в правах.

С января по апрель 1930 г. в отношении первой и второй категорий план по раскулачиванию превышался в 1,5–2 раза. В Пензенском округе, по данным на 11 мая 1930 г., из 202900 хозяйств было раскулачено 2932 хозяйства (1,44 %), а в Кузнецком округе 800 (0,81 % – самый низкий показатель по Средне-Волжскому краю) [5, с. 31]. Это было связано с директивой ОГПУ № 771 «О предоставлении срочной информации по вопросам начинающейся политики раскулачивания» от 11 января 1930 г., в которой требовалось «в связи с постановкой в Центре серьёзного политического вопроса – удара по кулаку, не позднее 10 часов 14 января сообщить телеграфом: 1) сколько имеется агентурных разработок организаций, группировок, одиночек по кулацко-белогвардейско-бандитскому элементу; 2) сколько по этим делам проходит участников; 3) сколько дел таких же категорий ведётся в стадии следствия; 4) сколько по этим следственным делам проходит участников».

В ответ на этот запрос представитель ОГПУ по Средне-Волжскому краю Бак телеграфировал в Москву, что из края предлагалось выселить 6250 кулаков, отмечая: «при необходимости эта цифра, конечно, может быть увеличена – не знаем, какой размах будет взят центром» [5, 131].

Руководство страны не устраивали участившиеся случаи самораскулачивания. Уяснив смысл проводимой политики, многие кулаки стали переезжать в другие плодородные районы страны, не дожидаясь выселения в отдалённые районы СССР с суровым климатом. В целях борьбы с уклонением кулацких хозяйств от уплаты налогов и др. повинностей и платежей ЦИК и СНК СССР постановили 1 февраля 1930 г. запретить

кулацким хозяйствам без разрешения районных исполнительных комитетов переселение и распродажу имущества. При нарушении этого постановления конфискации подлежало всё имущество, а также применялись иные репрессивные меры [3, с. 330].

На практике вместо конфискации средств производства забирались все предметы домашнего обихода, вплоть до носимого белья, икон и квашеной капусты. Тенденции «военного коммунизма» находили своё отражение в том, что раскулачиванию придавался потребительский характер: вместо поступления в неделимые фонды колхозов, конфискованное имущество делилось между участниками раскулачивания. Такие явления были не единичными, а распространёнными по всей стране. «Активисты» раскулачивания пользовались беззащитностью «классового врага». В Чембарском, Иссинском, Лунинском, Кучкинском и других районах Средне-Волжского края отмечались случаи дележа конфискованного имущества, а также открытые грабежи и мародёрство, проходившие под предлогом раскулачивания [12, с. 171].

Постановление ЦК партии от 10 марта 1930 г., осуждающее «перегибы» и «извращения» в практике коллективизации и раскулачивания, было призвано перенести ответственность на местных работников, так как проводимая политика вызвала широкий общественный резонанс. Тем не менее, кампания против «перегибщиков» протекала слабо. Власть пока ещё не стремилась строго судить тех, кто чересчур рьяно принялся исполнять директивы партии на местах. В Пензенском округе было 15 процессов против местных работников, допустивших «перегибы» в ходе выполнения задания партии по раскулачиванию, причём приговоры на всех процессах были мягкими, в большинстве случаев имели условный характер. Тем не менее, к

судебной ответственности в Пензенском округе было привлечено 519 человек – наивысший показатель по Средне-Волжскому краю [10, с. 288].

С декабря 1930 г. советское правительство активизировало репрессивную политику в отношении кулаков. Формально кулацкими могли считаться только те хозяйства, которые использовали наёмный труд. К 1930 году таких хозяйств, практически не осталось [6]. В связи с этим 23 декабря 1930 г. местным Советам было предписано самостоятельно устанавливать признаки кулацких хозяйств «применительно к местным условиям». Основными признаками отнесения крестьянского хозяйства к «кулацко-зажиточному» становились неуплата индивидуального налога, отказ от выполнения «твёрдого задания», а также нежелание вступить в колхоз. Основанием для индивидуального обложения служило наличие ручной молотилки или сепаратора. К кулакам приписывались также крестьяне, продававшие на рынке продукцию, произведённую в личном подсобном хозяйстве. Для тех, кто по имущественному положению не мог быть причислен к кулачеству, был изобретён термин «подкулачник – пособник классового врага».

По официальным оценкам, общее число кулацких хозяйств составляло 5–6%, фактически раскулачено было до 15% крестьянских хозяйств, а количество лишенцев достигло 20%. По данным статистики, из 100 миллионов крестьян в СССР было репрессировано 1,5 миллионов человек [1, с. 41].

Результатом политики раскулачивания была ликвидация кулацких хозяйств. Однако маховик репрессий трудно было остановить: не особо утруждаясь обоснованием новых мер ущемления прав крестьянства, власти взялись за середняков, которые были «богаче бедняков», не вступали в

колхозы и выражали недовольство политикой хлебозаготовок, что давало основание причислять их к кулацким элементам.

В начале 1931 г. началась широкомасштабная кампания по раскулачиванию, охватившая все районы страны, в том числе территорию Пензенского региона. Она продолжалась с перерывами до 1935 г. За это время по данным ОГПУ из Пензенского округа выселено более 6 тысяч крестьянских семей [12, с. 316].

По данным весенней переписи колхозов, в 1931 г. в Средне-Волжском крае 45,3 % хозяйств исключены из колхозов, так как были признаны кулацкими. Исключённые из колхозов хозяйства облагались индивидуальным налогом, а в случае неуплаты – подвергались конфискации имущества и выселению. Несмотря на то, что численность хозяйств, обложенных индивидуальным налогом, уменьшилась в 1930/1931 гг. примерно вдвое, общая сумма налога практически не сократилась, так как налог был повышен более чем в два раза (со 189 до 413 рублей на хозяйство) [11, с. 11–12].

Раскулачивание являлось одним из факторов подъёма колхозного движения, причём репрессивные меры, направленные против кулаков, материально и психологически стимулировали коллективизацию. Крестьяне вступали в колхозы для того, чтобы избежать конфискации имущества, выселения или обложения непомерным индивидуальным налогом. Репрессии, экспроприация и депортации становились мерами устрашения для единоличников и основанием для передела собственности: колхозникам и отдельным хозяйствам передавалась собственность раскулаченных [1, с. 43].

В директиве И.В. Сталина от 8 мая 1933 г., направленной всем партийным советским работникам, органам ОГПУ, суда и Прокуратуры, давалась установка на прекращение массовых репрессий, так как «три года борьбы привели к разгрому сил наших классовых врагов в деревне... наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников... дальнейшее применение «острых форм репрессий» могло «свести к нулю влияние нашей партии в деревне». Были даны конкретные указания о прекращении массового выселения крестьян, об упорядочении арестов и о разгрузке мест заключения [11, с. 39]. Эту директиву обычно связывают с завершением «политики ликвидации кулачества как класса». Однако последующие действия советского руководства свидетельствуют, о том, что преследование кулаков, даже уже бывших, продолжалось, хотя высылки стали ограниченными, не столь массовыми, как прежде.

С 1933 г. советское правительство вместо жёстких репрессивных мер стало проводить ряд экономических преобразований, направленных на выход из аграрного кризиса. 23 апреля 1934 г. СНК СССР постановлением «О нормах обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству для раскулаченных хозяйств» утвердил, что раскулаченные хозяйства, не имеющие скрытых доходов, капиталов и имущества, должны производить обязательные поставки сельхозпродукции по нормам, установленным для единоличных хозяйств [7].

В связи с разработкой проекта новой Конституции советское правительство активизировало работу по возвращению избирательных прав лишенцам. 6 февраля 1935 г. с докладом о поправках и изменениях в Конституции выступил В.М. Молотов. Он заявил, что изменения приняты с

целью «демократизации советской избирательной системы... Единственное ограничение советская Конституция устанавливает для эксплуататорских элементов и для наиболее враждебных трудящимся прислужников старого строя». При этом В.М. Молотов отметил, что ещё в 1931 г. ЦИК СССР установил порядок возвращения избирательных прав, благодаря чему число лишенцев сократилось до 2 млн. человек (2,5% взрослого населения страны), и что в ближайшем будущем будут отменены все ограничения в выборах в советы, «введённых в своё время в качестве временных мер» [4, с. 6].

И.В. Сталин на Пленуме ЦК ВКП(б) 4 декабря 1936 г. объясняя свою политику возвращения избирательных прав, вступил в полемику с теми, кто продолжал настаивать на сохранении института лишения гражданских прав. Он заявил, что «Советская власть лишила избирательных прав нетрудоспособные элементы и эксплуататорские классы не на веки вечные, а временно, до известного предела... не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны Советской власти...» [4, с. 16].

13 марта 1936 г. ЦИК СССР издала постановление «О прекращении производства дел о лишении избирательных граждан СССР по мотивам социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности и о ликвидации ЦИК СССР» [8]. Однако принятое постановление ЦК вызвало неоднозначную реакцию на местах, так как руководители районов опасались, что это решение приведёт к избранию «антисоветчиков» [4, с. 23].

2 января 1937 г. краевым, областным и районным прокурорам было предписано «направить острие репрессий» против преступников и классовых врагов, «расхищающих колхозную собственность, срывающих

выполнение важнейших хозяйственно-политических кампаний, дезорганизующих работу колхозников...» [2].

10 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердил список намеченных к расстрелу в Куйбышевской области 1881 человек и высылке 4259 человек [9].

30 июля 1937 г. был издан приказ НКВД СССР № 0047 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». В нём сказано: «Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывавшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпосёлков... приказываю с 5 августа 1937 г. во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников». Приказом были установлены контингенты, подлежащие репрессированию.

В сводке ГУГБ НКВД приводятся данные о количестве арестованных и осуждённых на основании приказа № 00447. Всего на 15 августа 1937 г. было арестовано по 57 областям 100990 человек. Из них бывших кулаков 46487 человек, уголовников – 23838, другого контрреволюционного элемента – 17592. К этому же времени осуждено – 14305 человек: по первой категории – 9766. Из них бывших кулаков 3077 человека, уголовников – 3726, другого контрреволюционного элемента – 1981; по второй категории – 4539 человек. Из них бывших кулаков 1120 человек, уголовников – 1552, другого к/р. элемента – 832. В Куйбышевской области на 15 августа арестовано 2701 человек [11, с. 346].

В заключение можно сделать вывод о том, что политика репрессий в отношении кулаков, осуществлявшаяся с 1920-х годов, проходила в три этапа.

На первом этапе в 1920-е годы проводилась политика разнообразных социально-политических и экономических ущемлений крестьян, которые в совокупности стали называть «раскулачиванием». В этот период производилась экспроприация имущества кулаков, которое делилось между бедняцко-средняцкой массой – опорой советской власти в деревне.

На втором этапе с декабря 1929 г. до конца 1933 г. были осуществлены репрессивные меры, направленные на «ликвидацию кулачества как класса» в районах сплошной коллективизации, в числе которых был Пензенский регион. Сплошная коллективизация в СССР проводилась с целью решения зерновой проблемы. В районах СССР, где зерновое производство было менее развитым, осуществлялась политика экономического «удушения» и притеснения кулака. Раскулачивание в 1930-е годы проводилось с целью создания материальной базы колхозов, поэтому конфисковывались, в первую очередь, средства производства, жилые и хозяйственные постройки, а также скот. Выселение кулаков в малонаселённые и необжитые районы СССР проводилось с двумя целями: 1) пресечение «тлетворного» влияния в районах сплошной коллективизации, которое заключалось в «антиколхозной агитации» и «вредительстве». По этому поводу И.В. Сталин высказал априорное суждение – если кулак пойдёт в колхоз, то только для того, чтобы развалить его изнутри; 2) использование практически бесплатного труда кулаков на крупных стройках и в сырьевом секторе экономики для нужд промышленности. Уже в самом начале 1930-х годов раскулачивание проводилось в зависимости от потребности в рабочей силе, которую

определял Госплан, то есть имело последовательный, плановый характер. Лишь малый процент спецпереселенцев использовался для развития сельского хозяйства, как планировалось ранее, потому что районы расселения кулаков были практически не приспособлены для этого. В результате советское правительство добилось своей цели – кулацко-зажиточной верхушки деревни, по определению Ленина, не осталось не только как класса, но и как социального слоя. Следует отметить, что для кулаков апогеем сталинских репрессий стал не 1937 г., а 1932 г.

На третьем этапе с 1934 по 1938 г. проводились репрессии в отношении уже бывших кулаков, на которых ставили клеймо «вредителей» и «антисоветчиков». Началась настоящая «охота на ведьм», количество лиц, подлежащих расстрелу и заключению в лагеря планировалось так же, как заготовление зерна или мясозаготовки. «Сверху» было дано указание искать «вредителей» в среде бывших кулаков, просочившихся в советские хозяйственные органы. На этом завершающем этапе бывших кулаков ликвидировали уже не как класс, а физически как «вредителей». В 1930-е годы для высшего советского руководства продолжалась перманентная гражданская война. После победы над реальными противниками большевиков, «врагами народа» стали: бывшие кулаки, бывшие белогвардейцы, помещики и т.д. Повторное заключение в лагеря бывших кулаков нарушало принцип «буржуазного» законодательства, который гласит, что за одно и то же преступление (если считать зажиточность преступлением) санкции не применяются дважды. Советским законодательством на практике использовался принцип объективного вменения, согласно которому репрессиям подлежали не только кулаки-главы хозяйств, но также их жёны и дети, которые по определению не могли

эксплуатировать бедняцко-средняцкую массу. Видимо, разделять крестьянскую семью, патриархальную по своей сути, советское руководство считало неправильным.

Литература

1. Ванюков Д.А., Суслов И.В. Годы репрессий. – М., 2007.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8131. Оп. 14. Д. 1. Л. 2.
3. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Иваницкого. – М., Политиздат., 1989.
4. Жуков Ю.Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 г. // Вопросы истории. 2002. № 1.
5. Ивницкий В.С. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933). – М., 2000.
6. См.: Конквест Р. Жатва скорби // Вопросы истории. 1990. № 1. – С. 39; Зеленин И. Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. – С. 32; Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. – М., 2008. – С. 75.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 44. Л. 22.
8. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 163. Д. 1141. Л. 94.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 98.
10. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы в 4-х т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – Т. 3: 1930–1934. – М., 2003.

11. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 3. Кон. 1930–1933. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М., 2001.

12. Шарин Д.В. Раскулачивание в пензенской деревне в начале сплошной коллективизации. Актуальные проблемы исторической науки // Сборник статей. Вып. 2. – Пенза, 2005.

Literature

1. Vanyukov D. A., Suslov I. V. Years of repression. - М., 2007. - P. 39.

2. State archive of the Russian Federation (GARF). F. 8131. Op. 14. D. 1. L. 2.

3. Documents attest to: From the history of the village before and during collectivization, 1927-1932 / edited by V. P. Danilov, N. A. Ivanitsky. - М., Politizdat., 1989. - P. 297.

4. Zhukov Yu. N. Repressions and the Constitution of the USSR in 1936. 2002. No. 1. - P. 6.

5. Ivitsky V. S. Repressive policy of the Soviet power in the village (1928-1933). – Moscow, 2000. - P. 31.

6. SEE: conquest R. Harvest of sorrow // Question of history. 1990. No. 1. - P. 39; Zelenin I. E. "Revolution from above": completion and tragic consequences // Question of history. 1994. No. 10. - P. 32; Kondrashin V. V. the Famine of 1932-1933: the tragedy of the Russian village. - М., 2008. - P. 75.

7. Russian state archive of socio-political history (RGASPI). F. 17. Op. 3. D. 44. L. 22.

8. RGASPI F. 17. Op. 163. D. 1141. L. 94.

9. RGASPI F. 17. Op. 162. D. 21. L. 98.

10. Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. 1918-1939. Documents and materials in 4 volumes / ed. by A. Berelovich, V. Danilov. - Vol. 3: 1930-1934. - M., 2003. - P. 8.

11. The tragedy of the Soviet countryside. Collectivization and dekulakization. 1927-1939: Documents and materials. In 5 vols. / Vol. 3. Kon. 1930-1933. / ed. V. Danilova, R. Manning, L. Viola. - M., 2001. - Pp. 11-12.

12. Sharin D. V. Dekulakization in the Penza village at the beginning of continuous collectivization. Actual problems of historical science // Collected papers. Issue 2. - Penza, 2005. - P. 171.